

ПОСЕЛЬЕ

Байкальские сюжеты

СЕРЕБРЯНЫЙ ИЗЮБР

Не спалось. Вышел на крыльцо, стал вглядываться в темный, зависший над землей, холодный и влажный мрак ночи, но ничего не мог разглядеть. И тогда сел на нижнюю приступку крыльца и, опустив на грудь голову, закрыл глаза. И тут на меня привычно накатила дрема, но не та, которая клонит ко сну, а та, что норовит взбодрить и малую жилочку. Только не так, чтобы помешать дреме, теперь уже сделавшейся сладкой, а вместе томительной, как если бы я, однажды утратив дорогое сердцу, снова обрел потерянное. Впрочем, ненадолго. И я знал про это, потому и мучило меня даже сладостное томление. Я спешил, оттеснив все, мешающее мне, из моей души навстречу с потерянным, тогда и открыл глаза и, вытянув шею, стал пристально вглядываться в ночную глыбь, и скоро где-то на самом дне увидел мелькающие человеческие тени. А среди них и ту, дорогую моему сердцу. Внешне она была ничем не отличаема от других теней, так же легка и подвержена колебанию, коль скоро ветер усиливался. Она едва удерживалась, чтобы не стронуться с места и не раствориться во мраке. Я старался помочь ей. И, кажется, мне это удалось. Во всяком случае, я почувствовал, как сила, все еще удерживающая в моем теле жизнь, словно бы растворилась в пространстве и ослабила ветер, дующий с Байкала. Его самого я теперь не видел, хотя он лежал у меня под боком, но слышал, как он лениво, как бы даже с неохотой плескался. Наверное, на него тоже навалилась дрема, сходная с моей. Может статься, и ему, священному сибирскому морю, привиделась дорогая тень, и он хотел бы дотянуться до нее зелеными гребнями волн? Но так же, как и я, не в состоянии был сделать это.

— Сын... — шепчу я. — Что же ты не подойдешь ко мне? Ведь я знаю, это ты... ты...

Померещилось или впрямь я услышал мягкий и грустный, а вместе как бы даже ободряющий голос моего сына, покинувшего земную обитель. Странно только, я и теперь, по прошествии времени, не смог бы сказать, о чем говорил сын.

А в воздухе ощущалась напряженность, притягивание к чему-то дальнему, человеческому разуму неподвластному. Я чувствовал эту напряженность, скорее, потому, что привык жить не одной земной жизнью, а еще и другой, созданной моим воображением и как бы тоже существующей. Правда, в ином измерении. Что-то от той жизни соприкасалось с моими ощущениями, а то и с разумом, и все менялось во мне, правда, не сильно, но нередко заметно для людей. И тогда они иной раз с грустью говорили:

— Повело человека... Надо думать, не скоро еще вернется на грешную землю.

Да, бывало, я задерживался там, с кем-то встречался. Но, вернувшись на землю, не мог вспомнить и малости, все вдруг затуманивалось, делалось смутным и неясным, хотя и греющим сердце, привносящим в него дивный покой. Вернувшись, я ни о чем никому не рассказывал, понимал: стоило заговорить о недавно пережитом, как дивный покой отдалялся. А я чаще всего не хотел этого и потому молчал.

Я не знал: откуда это у меня?.. Но отец сказывал, что от деда. Был тот улигершином, причем не обычным сказителем, умеющим виртуозно обращаться со словами, а и придавать им неземное звучанье. Это отмечалось людьми, пришедшими под крышу дедовской юрты, чтобы послушать улигершина и насладиться свободной, ни к чему не привязанной песенной мыслью.

Может, так. А может, и нет. Но и то верно, коль скоро ничего не страгивалось в моей душе, делалось скучно и одиноко. И я с нетерпением ждал, когда опять поменяется во мне, и я окунусь в иной, пространственный, ни одним чувством не угаданный, но такой желанный, как если бы я все знал про него, неземной мир...

Я сидел на крыльце и пытался удержать близ себя светлую тень сына. Какое-то время мне это удавалось. Но вот тень исчезла, и тьма навалилась на меня, тяжелая и угрюмоватая. Я ощущал ее тягучесть и вязкость, и мне хотелось быть. Но я сдерживал себя, знал, это не поможет. А потом услышал в ближнем отдалении от моего дома легкое похрустывание сухого молодого подлеска (дождя не было уже дней десять), обильно заполонившего сосновую рощу, и насторожился.

Нет, я никого не боялся. Волчьи стаи уже давно покинули ближние окрестности и перебрались в обширные тункинские степи. Туда же подались и одичавшие собаки, тоже сбившись в стаи. А лихой человек, нечаянно забредший в наше поселье, в котором осталось всего два жилых дома, мне не страшен, наверное, потому, что и брать-то у меня нечего, разве что пару-другую книжек да старую печатную машинку...

Я сидел на крыльце и прислушивался к тому, что происходило на земле ли, в воздухе ли, но ничего не мог уловить, а голос сына все отдалялся, пока не превратился в тихий, едва колеблющийся воздух, уже и не всегда отмечаемый мною шепот, сходный с шепотом березок. Они заглядывали в окна моего дома, и я часто принимал их совсем не за то, что они есть на самом деле. А иначе почему бы вдруг начинал говорить с ними? Я взваливал на себя их озабоченность и успокаивал, коль скоро сильный верховик обламывал ветки, и они падали к моим ногам, дрожащие...

Я сидел на крыльце, задумавшись, и тут почувствовал на плече чью-то теплую руку. Отвлечшись от мыслей, увидел перед собой моего соседа, парня лет двадцати. И не удивился и как бы даже с облегчением (а и впрямь на сердце у меня уже не так щемило) спросил:

— Ты чего, Коля? Не спится?

— Не спится, — согласился он, а потом присел рядом со мной, какое-то время молчал и только вздыхал непривычно тягостно.

— Что-то случилось?

— Пока еще нет, но может случиться, когда заледенеют забереги и заштормит море.

Я догадался, что происходит с Колей. На берегу промеж камней пробилась маленькая березка, ее не сразу и разглядишь, зато поудивляешься, коль скоро заметишь ее, и спросишь у себя: «Как же она тут живет, среди камней, в голимом одиночестве, вдали от сородичей, омываемая морской волной?..»

Про это никто не знал. Не знали и мы с Колей. И часто, перейдя железную дорогу, именуемую «кругобайкалкой», когда сибирское море наливалось свинцовой тяжестью, готовой раздавить и не хрупкое суденышко, мы с напряженным вниманием следили, как среброволосые волны накатывали на камни, промеж которых выросла березка. Все происходило так, как и в прошлом году, и в позапрошлом. Березку срывало с места и уносило в море. «Господи, — думали мы с Колей, — отчего так все получается, обидно для живой природы, больше того, безжалостно по отношению к ней? Ну что стоит Вседержителю мира помочь слабой березке, коль она сама неспособна сладить с ветром?..»

А может, мы с Колей чего-то тут не понимали? Может, и так... Стоило Байкалу обломать лед, а потом растопить его, как тут же на берегу, промеж рыжих замшелых камней, появлялась все такая же маленькая и трепетная березка.

— А что если перенести ее к дому?.. — неуверенно говорил Коля, почесывая макушку, свободную от лохматых желтых волос.

— Ну что ты! — чуть ли не с досадой отвечал я. — Зачем?.. Тогда нам некого станет встречать, когда сойдет байкальский лед. Разве что диких туристов?..

Туристов Коля на дух не переносил и потому поморщился. Я, освободившись от прежнего душевного напряжения, улыбнулся, искоса поглядывая на Колю.

Поселок, в котором мы с ним живем, назывался Пыловкой. В нем от прежних благополучных лет осталось, как я уже говорил, два старых дома. Они были поставлены в начале прошлого века, когда строилась кругобайкальская железная дорога с множеством пробитых в скалах тоннелей. В свое время ее называли шестым чудом света.

Коля в большом четырехквартирном доме занимал две комнаты, а я обитал в высоком, под крутой крышей, крашенном в темно-коричневый цвет домике, стоящем на высоком каменном фундаменте по правую сторону от горного ручья, в изножье высоченного гольца. На его голой вершине, совсем по Лермонтову, росла сосна. Домик, надо думать, прежде принадлежал смотрителю дороги. Когда я поселился в нем, нашел немало предметов, без которых не обойтись смотрителю. Больше всего мне понравился дорожный керосиновый фонарь, вполне сносно освещающий ближнее ночное пространство, а еще по душе пришлась железная лопаточка на длинном блестящем деревянном черенке. Ею смотритель, судя по всему, простукивал рельсы и подгребал к ним песок. А я нынче использую ее вместо палки, когда брожу по берегу Байкала.

Мы сидели на крыльце и молчали. Впрочем, иной раз Коля, вдруг забеспокоившись, ронял тихо:

— Студено на сердце, как если бы вешало про что-то...

«Про что же?..» — спросил бы я, когда бы подчинялся себе. Но я уже не подчинялся себе, а чему-то другому, зависшему в воздухе, снова обретшем чуть только ослабшее напряжение. Я чувствовал зависимость от нездешних сил, вполне приятных и как бы даже убаюкивающих меня и успокаивающих душевную растолканность. Мне бы теперь подняться и стряхнуть с себя накатившее наваждение, но я не могу этого сделать, что-то мешает...

Не знаю, долго ли еще я сидел бы, неестественно напрягши спину, если бы густая неподвижная тьма, зависшая над землей, вдруг не раскололась, пропуская ослепительно яркий свет. «Что это?..» — не столько со страхом, сколько с недоумением подумал я и ощутил горячее прикосновение Колиной руки. Рука дрожала, длинные жесткие пальцы, не переставая, бегали по моему плечу. А скоро я и сам почувствовал себя не в своей тарелке, когда Коля прошептал:

— А на вершине скалы близ сосны стоит кто-то большой и дивно белый, задрал ветвистую голову. Кто это?

— Не знаю, — негромко сказал я. — Вроде бы, изюбр.

— Серебряный, что ли?..

Мне ничего не оставалось, как обронить устало слова-камушки:

— А почему бы и нет?..

Только теперь, пребывая во власти нездешней силы, я увидел столб ослепительно яркого света, падающего со скалы, на вершине которой стоял серебряный изюбр. Свет едва ли не обжигал глаза, был горяч, а вместе с тем трепетно слаб. Да, да, слаб!

Я заволновался. Мне сделалось жаль, что белый столб, кинжально проткнувший густую вязкую тьму, скоро исчезнет, и я больше не увижу его и не узнаю, почему серебряный изюбр появился на нашей скале. Должно быть, спустился с небесных пастбищ, чтобы полюбоваться священным сибирским морем, которое в нынешнее лето похорошело, приобрело новину, смутно сознаваемую человеческим разумом, как бы сделало усилие явить миру истинную свою красоту. Ее невозможно охватить взглядом всю, только и коснешься ее, коль скоро обратишь внимание на то, как дивно колеблются волны, накатывая на берег и раскидывая пенное кружево. Но и этого вполне хватает человеку, чтобы открылось ему что-то несвычайное, сладостно томящее... И он надолго сохранит в своем сердце чувство прикосновения к чуду, о котором многие и не догадываются даже...

Когда свет, падающий со скалы, сделался не так обжигающ, я перестал шуриться и пристально, не мигая, смотрел на серебряного изюбра. А тот, чуть отодвинувшись от сосны, глядел в сторону Байкала, и можно было заметить в его неподвижных зеленовато-серых глазах слабое сияние, как если бы рожденное утренней зарей да так и сохранившееся в них.

Я смотрел на изюбра, явно принадлежащего не здешнему миру, и спрашивал: «Зачем же ты пришел к нам?... Иль что-то сдвинулось в тебе, и ты вспомнил о своих земных корнях? Ведь не всегда же ты гулял на небесных пастбищах?..»

Изюбр, кажется, заметил мой интерес к нему и чуть повернул ветвистую голову в мою сторону и тихонько тряхнул ею, точно хотел что-то обозначить. Но в это время белый столб света стал уменьшаться, а потом и вовсе пропал в густой тьме, зависшей над землей. Скоро и Байкал зашевелился, загудел, заухал, и тяжелые водяные валы спокойно, с какой-то даже домовитостью накатили на крутой каменистый берег.

А я все не страгивался с места, хотя у меня затекли ноги. И Коля тоже замер в ожидании еще чего-то, способного поразить воображение. Даже в сгустившейся тьме, впрочем, уже мало-помалу раздраемой на востоке накатывающими утренними лучами, я разглядел смущение в больших темно-синих глазах Коли и похлопал его по плечу, словно бы желая успокоить. Он так и принял это и несвязно, волнуясь, перебегая с одного на другое, заговорил про то, что ему привиделось нынче.

— Как же теперь?... — трудно подбирая слова, произнес он, стараясь не глядеть на меня. — На душе у меня творится такое, а не скажешь про это никому. Не поверят. Подымут на смех...

— И не надо никому говорить, — легко сказал я. — Про это будем знать только мы.

Коля вздохнул, чуть погода почти весело сказал:

— А и ладно!

Коля закончил строительный техникум, но, кажется, и года не проработал на строительстве, не понравилось там: сплошной мат с утра до ночи... Взяешь от тоски! И Коля, с детства полюбивший тишину, что уж тут таиться, был по ночам. А однажды сказал отцу, что не пойдет больше не стройку... В ту пору Колины родители обзавелись коровой с телком и готовились перегнать скотину в Пылевку, где и трава получше, и море рядом. К тому ж, крыша над головой есть для того, кто станет жить там. Бабушка умерла еще в прошлом году, и квартира пустовала... Но вот вопрос: кто же будет следить за скотиной? Отцу с матерью нельзя, они работали в райцентре, а девчонкам не поручишь такое важное дело. Странно, когда покупали корову, не думали об этом, а вот теперь...

— Я поеду в Пылевку, — сказал Коля. — Управлюсь с хозяйством. Не впервой!

Родители с удивлением посмотрели на Колю: что, значит, не впервой? Где он успел поднатореть в крестьянском деле? Не упомянут что-то... Однако спорить не стали.

— Пушай так и будет, — сказал отец. — Да и недалеко тут, верст двадцать. На «матани» доедешь за полчаса. Будем с матерью навещать тебя, подсоблять...

Первое время Коля робко тянулся к коровьим сосцам, часто ронял молочное ведро. Но со временем привык, и корова уже не брыкалась, спокойно подпускала его к себе.

Было это, вроде бы, не так давно, но мне кажется, что мы с Колей уже много лет живем бок о бок и знаем друг о друге едва ли не все... Впрочем, можно ли знать о человеке все? Это так мнится иному, что он все знает про своего соседа. А только увидев его возле хрустально чистого горного ручья, склонившегося над ним и что-то пристально разглядывающего на самом дне, удивится ему, как я удивился Коле, застав его возле ручья... Спросил, помедлив:

— Ты чего?..

Коля с трудом оторвал взгляд от ярко-синего течения, помедлив, как если бы решал, стоит ли говорить, нет ли, сказал с легким смущением в чуть дрогнувшем голосе:

— А я и сам не знаю... Померещилось, будто бы там, на доньшке, живет кто-то малой вовсе, должно быть, еще и про себя не знающий. Сидит на донном камушке, раскачиваемый быстро бегущей водой, и не боится, что снесет его. А я гляжу на человечка со вниманием, и у меня рождается чувство, что я встречался с ним раньше, только потом запамятовал... Кто бы это был, а?..

Коля не боялся, что я посмеюсь над ним, скажу обидное. Знал, что я иной раз, влекомый невесть какой силой, но только не той, нечистой, а вполне нормальной, уважительно относящейся к человеку, встану, хотя и маяла непогодь, на лесную тропу и пойду невесть куда, про себя думая, что там, в глубине леса, кто-то уже